

Публикации

УДК 930.2

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

Р.С. Хакимов

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
history@tataroved.ru*

В статье показываются особенности исторической науки в России, сложившейся после распада СССР. Это развитие альтернативных «историй» и в то же время продолжение традиций изложения истории страны как истории русского народа; продолжающаяся диверсификация гуманитарных наук, изучающих единый для них объект – жизнь людей в обществе, и т.д. Автор доказывает, что историческая этнология (антропология) как интегративная дисциплина должна строиться на целостном взгляде на социальные процессы как в пространстве, так и во времени. Поэтому ее объектами должны быть не только события истории (войны, герои и пр.), но и ментальность, «микроистория», повседневность – все то, что характеризует жизнь народа. Изучение истории может осуществляться только с целью ответа на вопросы настоящего. Время требует конвергенции гуманитарных наук, что могло бы привести к преодолению междисциплинарных границ и появлению многоплановой социально-культурной модели общества.

Ключевые слова: историческая этнология, историческая антропология, история, ментальность, татары

После распада СССР гуманитарные науки в России оказались в сложной ситуации. С одной стороны, у государства, отказавшегося от коммунистической идеологии, появилась потребность в выработке обновленной официальной истории страны в новых границах, с другой – вместе с ослаблением контроля со стороны государственных органов появились научные центры, самостоятельно изучающие историю и этнические процессы; их выводы не всегда совпадают с официально принятыми взглядами. Наряду с этим запросы рынка породили популяризаторов (добросовестных и недобросовестных), которые начали заниматься мифотворчеством в исторической сфере.

Изучение истории общества поделилось на официальное, альтернативное и «мифологичное». Официальная историография, в основном, придерживается старых традиций изложения прошлого России как истории русского народа. Определенные коррективы в трактовку тех или иных со-

бытий, безусловно, вносятся, многочисленные народы появились как элементы, сюжеты истории российской государственности, исчезла классовая борьба как двигатель социальных процессов, но основная методологическая канва сохранилась без существенных изменений.

Сегодня трудно выводить происхождение страны из Киевской Руси, как это делалось до сих пор, поскольку задевает интересы Украины, чьи ученые активно переписывают свою историю. Норманнская теория как альтернатива «киевской» доктрине ищет корни в Великом Новгороде, Ладоге, викингх, которые в большей степени связаны со Скандинавией, нежели со славянами. Непредвзятый анализ появления Москвы как столицы страны вынуждает обсуждать вопрос о роли Золотой Орды в становлении Московии, что не устраивает официальную историографию. Ни один из вариантов происхождения России не может удовлетворить политиков. В качестве идеологических клише стали использовать (не всегда удачно) исторические сюжеты. Время от времени поднимают на щит Куликовскую битву как победу над Золотой Ордой; изгнание польских «захватчиков» из Москвы во времена Смуты объявили общегосударственным праздником «единения народа»; взятие Казани войсками Ивана Грозного находит своих сторонников среди публицистов. Восхваляются императоры или такие сомнительные фигуры как Петр Столыпин, не задумываясь над тем, что царизм окончательно потерял авторитет уже к началу XX в. Революционные события и гражданская война просто забыты, а Великая Отечественная война с каждым годом уходит в прошлое. Для официальной идеологии не остается достойных исторических символов.

Несмотря на критику всего советского, гуманитарии нередко продолжают по инерции следовать марксистским традициям, но без ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина. Там, где отказываются от марксизма, далеко не всегда появляются новые подходы – или учеными выбирается прагматический подход, или же происходит возврат к старой немецкой исторической школе XIX в., которая стремилась изложить события так, как это было на самом деле (*Wieesiegentlichgewesen*), или, как формулировал А. Виндельбанд, нужно «извлечь из массы материала подлинный облик минувшего во всей его живой конкретности» [Цит. по: 30, с.57]. Это сближало историографию с литературой, что с точки зрения общественной значимости было необходимо. Следуя этой традиции в современной России, видные публицисты немало сделали для популяризации истории.

Вместе с тем, в XX в. обозначился решительный поворот в сторону выработки сугубо научных методов. Выдающиеся ученые выступили с альтернативным видением истории и этнологии, нежели старая немецкая школа. Наиболее ярким направлением стали представители французской школы «Анналов». Вслед за ними появились новые направления.

В России новые веяния в исторической науке не получили широкого распространения. Лишь единичные авторы пытаются искать новые под-

ходы к изучению российского общества и те, в основном, западные [См.: 17; 9; 18].

Что же касается татарской тематики, то она и вовсе оказывается «неовоенной». Для европейских историков татары – это антимир. Арнольд Тойнби в своем известном труде «Постижение истории» описал всевозможные цивилизации, составил их классификацию, но там не нашлось места для татар, поскольку для западного ученого, по определению, татары и цивилизация несовместимы, он великим тюркским империям не нашел места даже среди реликтовых обществ. Ученые обращаются к фактору степи, кочевников, татаро-монгол (порой даже не называя имен, событий и народов), как к давлению среды. Тойнби пишет буквально следующее: «Казачьи были пограничниками русского православия, противостоящие евразийским кочевникам» [28, с.140]. И дальше он описывает казаков как носителей культуры, отличной от «степной», сравнивая их с рыцарским орденом крестоносцев. Сомнителен тезис об особой исторической роли казаков в «борьбе» со «Степью» и совсем нелогично сравнение их с рыцарями. Как раз образ жизни казаков был продолжением традиций кочевников. Они не только усвоили степную культуру, но и ревностно ее сохраняли в условиях оседлости. «Казачьи в вел. кн. Рязанском и других местах, – пишет И.П.Буданов, – говорили тюркским языком, своим родным, принесенным ими из Азии, славянский же язык был усвоен ими впоследствии...» [6, с.29]. Скорее всего, «победы» над безымянными кочевниками объясняются распадом самого кочевого мира. Но независимо от роли казаков в истории «Степи», этот сюжет любопытен с точки зрения европоцентристского менталитета западных историков. Для них татарская культура – это антимир, в котором народы не имеют собственного имени, их просто называют кочевниками, варварами, дикарями. Этот антимир нельзя объяснить, понять и принять. Он, по словам Тойнби, «стимул давления», что-то вроде протуберанцев на Солнце, которых мы не видим, но ощущаем на себе их вредное влияние. Сегодня трудно найти аналитические работы, объясняющие «татарский феномен». Он оказался в иной парадигме, его легче объявить дикостью, чем пытаться понять. В этом вопросе есть вина самих ученых Татарстана, которые изучали историю татар отрывочно или как этническую историю в рамках методологии марксизма-ленинизма.

В обществоведении предпринимаются попытки по-новому интерпретировать Карла Маркса без его политической доктрины и ввести в научный оборот в новом качестве. В частности, сторонники феноменологической социологии Питер Бергер и Томас Лукман, развивая социологию знания как социально сконструированную реальность, пишут: «Непосредственными интеллектуальными предшественниками социологии знания являются три направления германской мысли XIX столетия – марксизм, ницшеанство и историцизм». И далее они продолжают: «У Маркса берет свое происхождение основное положение социологии знания о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание» [2, с.16]. Авторы,

опираясь на «Экономико-философские рукописи 1844 г.» Маркса, интерпретируют базис («субструктуру») и надстройку («суперструктуру») как человеческую деятельность и мир, созданный этой деятельностью. Социология знания, по мнению авторов, унаследовала от Маркса такие понятия как «идеология» (идеи как оружие социальных интересов) и «ложное сознание» (мышление, которое отчуждено от реального социального бытия мыслящего). Питер Бергер и Томас Лукман предлагают собственную технологию конструирования реальности.

В России есть сторонники такого подхода. Так, Владимир Гельман и Тед Хопф, открывая книгу «Центр и региональные идентичности в России», пишут: «Региональные идентичности сконструированы по определению: сами по себе регионы, понимаемые здесь как территориальные единицы государства, являются конструкциями, возникшими в результате политической борьбы и/или административного управления» [32, с.10]. Это утверждение весьма категоричное. Региональная идентичность, например, в Татарстане не была чистой конструкцией идеологов республики. В основе политики руководителей республики лежали традиции Казанского края, а также интересы и требования различных социальных и политических сил конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.

Бесспорным достоинством марксизма по сравнению с предшествующими теоретическими подходами было осознание значения социальных условий для жизнедеятельности общества, среди которых основная роль принадлежит экономическому строю и соответствующей классовой структуре, влияющей на общественное сознание. Однако исключительное внимание к экономическому базису общества ограничило марксистский кругозор, а теория борьбы классов, социальных революций и построение нового общества на практике не оправдало надежд.

Трудности методологического характера в сфере гуманитарных наук особенно сильно отразились на этнографии и этнологии. Когда-то этнография была ориентирована на изучение колонизируемых народов. Выполняя эту миссионерскую задачу, этнография стала важнейшим направлением в российской науке. Сегодня этнография мало востребована. Вместе с урбанизацией ее роль уменьшается, а этнографы постепенно становятся социологами.

Российская этнология (антропология) так же, как и этнография, не сумела найти основное направление исследований. До сих пор в завуалированной форме можно встретить вариацию сталинского подхода к определению нации. Этнология стала обслуживать реальную власть, превратившись в этнополитику, т.е. в один из методов политических исследований.

Термин этнополитика указывает на то, что этничность просто ограничивается областью политики. Одним из горячих сторонников такого подхода является В.А. Тишков, для которого нация – семантико-метафорическая категория, которая «обрела в современной истории эмоциональную и политическую легитимность, но не стала и не может быть научной дефиницией»

[26, с.240], а потому «она должна быть устранена из языка науки и политики» [27, с.151]. В.А. Тишков с сожалением констатировал: «Российская перепись населения 2002 г. не выполнила свою основную миссию – создать народ для государства» [27, с.226]. Получается, что народы (в понимании автора – это этнические общности) – итог работы политиков, но история говорит об обратном, государство – это одна из форм жизнедеятельности народов. Поскольку для конструктивистов все народы являются изобретением политиков и идеологов, постольку они исходят из социологического описания существующих явлений и выстраивания на этих данных новых отношений с помощью административной власти.

Конструктивизм опирается на зыбкую почву предположений о возможности безграничного влияния на социальные процессы. Опыт формирования «советского народа» говорит о невозможности искусственного создания новых общностей. На опасность конструктивизма указывает также трагический пример с «югославским народом».

Марксизм-ленинизм – пример конструктивизма, распространившего свою доктрину на все сферы общественной жизни. Коммунисты, разрушив старый мир до основания, начали выстраивать новое общество по доктринальным заготовкам и, в конечном счете, проиграли капитализму в политической и экономической областях. Выдающийся экономист, лауреат Нобелевской премии Фридрих Хайек убежден, что «отдаленные потомки назовут нашу эпоху временем суеверий, связанных, главным образом, с именами Карла Маркса и Зигмунда Фрейда... Эпоха суеверий есть время, когда люди воображают, что знают больше, чем они знают на самом деле...» [31, с.258]. Хайек причину таких умонастроений видит в переоценке достижений науки – «не в области сравнительно простых явлений, где, несомненно, наука достигла чрезвычайных успехов, но в сфере явлений сложных, где применение той же (при других обстоятельствах хорошо себя зарекомендовавшей) исследовательской техники привело к совершенно неверным выводам... Если век просвещения обнаружил, что роль, отводимая в прошлом деятельному человеческому разуму, была слишком мала, то мы теперь обнаруживаем, что наш век взвалил на него непосильную для него задачу конструирования новых общественных установлений» [31, с.258–259]. В России, как ни в какой другой стране, проявилось это безудержное конструирование не только доктрин, но и общественных отношений, противоречащих общему вектору исторических процессов.

Ряд исследователей развивает этносоциологию, которая системно представила состояние межнациональных и межрелигиозных отношений в стране [См.: 13; 25; 23; 24; 21]. Их преимущество заключается в том, что они изучают межэтнические отношения в увязке с социальной практикой, при этом считают важными различные подходы. Л.М. Дробижева пишет: «Очевидно – многообразие общества, различные способы теоретического конструирования и факты социальной реальности ориентируют исследователей на то, чтобы необъяснимое с точки зрения одной концепции по-

пытаться понять с иных позиций» [12, с.26]. Их работы в большей степени касаются политической стороны жизни общества.

Исследователи, которые продолжают работу в чисто этнологическом плане, оказались в условиях, когда занимаются важными, но частными проблемами. В любом случае, для масштабных исследований им мешает разрыв, образовавшийся между гуманитарными дисциплинами.

В гуманитарных дисциплинах ощущается потребность в переоценке методологических основ и понятийного инструментария с позиции современных задач. Эта проблема не является сугубо российской, она характерна в целом для мирового научного сообщества. Ряд западных исследователей пытается выработать общий методологический подход для всех гуманитарных наук, в частности, в направлении получившей название исторической антропологии [См.: 3; 17]. И хотя их достижения отмечены появлением ряда выдающихся работ, тем не менее, пока они не привели к выработке новой парадигмы и общепринятого инструментария.

Размышляя над логикой научных революций, Томас Кун пишет: «В своем установившемся употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец» [19, с.49] и далее поясняет, что такое определение не полностью покрывает само понятие, поскольку парадигма – это не только образец, соответствующий объекту, но также способ для дальнейшей разработки и конкретизации проблемы. «Парадигмы приобретают свой статус потому, что их использование приводит к успеху скорее, чем применение конкурирующих с ними способов решения некоторых проблем, которые исследовательская группа признает в качестве наиболее остро стоящих» [19, с.50].

Толчком для научных изысканий служат задачи, которые выдвигает жизнь. Философ Уильям Джеймс однажды сказал: «Только наука, непосредственно связанная с жизнью, является настоящей наукой». Повествовательная, событийная история не дает ответы на современные проблемы, а потому утрачивает свой престиж. В подходе к изучению прошлого Йохан Хейзинга, следуя Якобу Буркхардту, стремился увидеть непреходящее: «К работе над материалом обычно приступают прежде, чем надлежащим образом ставят вопрос. Историк выкапывает материал, на который нет спроса. В ожидании дальнейшей переработки отобранный материал накапливается, образуя большие кучи, переполняя все склады, какими располагает наука. Публикуемые источники оказываются не источниками, а лужами стоячей воды. Этим недугом страдает не только публикация источников, но и монографическая обработка материала» [30, с.18–19]. Исследователь должен знать, что он ищет в источниках, археологических материалах, социологических данных. Вопросы перед учеными ставит именно настоящее, ответы на которые можно найти, изучая прошлое. Один из основателей школы «Анналов» Люсьен Февр был убежден, что «история – это наука о прошлом и наука о будущем». Историческая наука, как и этнология, по своему смыслу и предназначению нацелена на будущее. «Для историка понять вчераш-

ний и понять сегодняшний день – это одна и та же операция» [5, с.206], – утверждает Фернан Бродель. Значит, из истории мы должны извлекать уроки для сегодняшнего дня, исходя из насущных проблем. Простое описание событий или же механическое переписывание статистических сборников и работа с источниками не является конечной целью историка.

Прошлое содержится в настоящем. В этом нет сомнения, но чисто философский ответ не дает в руки инструментарий для практики. Недостаточно понять социальное поведение в прошлом, нужно знать логику практики в меняющемся времени и контексте разных культур. «Разумеется, наука должна описывать явления, искать причины, предвидеть результаты, – пишет Серж Московичи. – Но она непременно должна также разрабатывать методы практической деятельности и намечать логику действий в соответствии с обстоятельствами. А зачем знать, если нельзя действовать? Зачем распознавать болезни, если мы бессильны их лечить? Раскрывая причины, мы отвечаем только на вопрос «почему». А предлагая практическое решение, мы отвечаем на вопрос «что делать». Он имеет бесконечно большую значимость, чем первый, поскольку любознательность является уделом немногих, а действие – ежеминутной необходимостью» [22, с.32]. Новые веяния в гуманитарных дисциплинах меняют всю технологию исследовательской работы, поскольку предлагают иную парадигму и требуют обновленного понятийного аппарата.

Какой бы период ни исследовали историки и археологи, насколько бы архаичными ни были изучаемые этнологами и этнографами культуры, они должны смотреть на прошлое глазами будущего. Недостаточно выяснение полноты архивных, литературных, археологических и других источников, определение их достоверности, привлечение сравнительного анализа, учета аберрации времени и т.д. Весь этот арсенал, безусловно, необходим, но гуманитарные дисциплины, не объясняющие нам сегодняшние процессы, занимаются удовлетворением человеческого любопытства или решением каких-то головоломок. Артефакты, не умеющие говорить сегодняшним языком, – всего лишь набор несистематизированного материала; керамика, найденная археологами и не дающая объяснения смысла нашей деятельности, – всего лишь разбитые горшки; а погребения, не объясняющие саму жизнь – кладбища. Их познавательная и воспитательная роль обнаруживается только при ориентации на современные задачи. Такой подход требует от исследователя изучения не только событий, но и жизнедеятельности человека во всем его разнообразии, знание эволюции ментальности, ценностей и норм поведения. Историческую науку Марк Блок определял как «изучение человека во времени» и сразу же уточнял: не отдельного человека, а людей, организованных в классы, общественные группы, т.е. – общество [4, с.20]. В этом суть исторической этнологии как дисциплины.

Недостатками узкой специализации гуманитариев в не меньшей мере озабочены и социологи. Иммануэль Валлерстайн пишет: «Ультраспециализация, которой подверглась социология, а в действительности и все ос-

тальные общественные науки, была как неизбежной, так и саморазрушительной» [7, с.323]. «Существуют ли какие-либо критерии для определения границ между четырьмя предполагаемыми дисциплинами: антропологией, экономикой, политической наукой и социологией?» – задается он вопросом и отвечает, что анализ мировых систем недвусмысленно говорит «нет». Все предполагаемые критерии – уровень анализа, предмет, методы, теоретические исходные положения – либо уже не соответствуют практике, либо, если подтверждаются ею, являются в большей степени барьерами к дальнейшему знанию, нежели стимулами к его созданию. Мы находимся, пишет Валлерстайн, в процессе преодоления разрыва между учеными естественных наук и гуманитариями, «пытаясь воссоединить в единой области поиск истины, блага и прекрасного» [7, с.330]. Многие ученые высказали подобную же озабоченность.

За последние годы утвердилось направление, называемое в западной литературе исторической антропологией. М.Кром выделяет следующие ее признаки: «Междисциплинарность, активный диалог как с другими науками (антропологией, социологией), так и между разными отраслями исторического знания (социальная, экономическая, политическая история объединяются вокруг понятия «культура»); преимущественное внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, взгляд на происходящие процессы с позиции их участников (или жертв); изучение всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях (от поведенческой культуры до культуры политической)» [17, с.76]. Различие терминологии в отечественной и западной литературе создает определенные неудобства. С тем, чтобы быть ближе к российской традиции, мы предпочитаем говорить об исторической этнологии, вкладывая примерно тот же смысл, который устоялся за рубежом относительно исторической антропологии, соединяющей историческую дисциплину с социальной и культурной антропологией [См.: 18, с.10–12].

Новые подходы были инициированы школой «Анналов», чьи сторонники видели в исторической антропологии «новую историческую науку» в целом, а сам ее предмет представляли в виде очень устойчивых, существующих в длительной временной протяженности структур повседневности. «Другой вариант понимания исторической антропологии, – пишет М.Кром, – представлен Питером Берком; к нему близки также итальянские приверженцы микроистории (К.Гинзбург, Дж.Леви и др.), некоторые американские (Н.З. Дэвис) и германские (Х.Медик) исследователи. В этой версии историческая антропология предстает лишь как одно из направлений социальной (социокультурной) истории, а в качестве инструмента исследования настойчиво рекомендуется «социальный микроскоп» [17, с.76]. Упомянутые приверженцы и того, и другого направления согласны в необходимости междисциплинарного подхода. М.Кром высказывает сомнения на счет возможности применения историко-антропологического исследования ко всем эпохам, а также «к изучению эволюции общества на

большом временном отрезке», что создает в итоге, на его взгляд, весьма статичную картину. Вряд ли такие оговорки уместны в случае общеметодологического подхода. Возможно, существующий инструментарий пока еще не позволяет в полной мере представить жизнедеятельность народов, охватить большие исторические периоды, но к этому следует стремиться. В одном из интервью Жак Ле Гофф высказался следующим образом: «Историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения «Новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Она охватывает все новые области исследования, такие, как изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символика и т.п.» [Цит. по: 11, с.297]. Такой подход отличается от традиционного, и в нем далеко не все ясно с методологической точки зрения, но такие шаги оправданы потребностью изучения Человека во времени.

Последователи школы «Анналов», введя в научный оборот понятие «ментальности», сделали серьезный шаг в деле становления исторической антропологии. «Мы убеждены, – пишет Жорж Дюби, – что все социальные отношения складываются как функция этой «системы образов», которая передается от поколения к поколению в процессе воспитания и обучения и «вследствие определенных экономических условий». Для него, «феодализм – это средневековый тип ментальностей». Повышенное внимание к человеку, его представлениям, образу жизни, мотивам поведения, психологии стало значительным шагом в исторических исследованиях.

Под ментальностью понимают общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков, что создает картину мира и обеспечивает единство культурной традиции. При этом ментальность включает также стереотипы сознания, «коллективное бессознательное», иррациональное или не полностью осознанное. Ментальность понимают также как способ ориентации в социальном и природном мире, как практическую матрицу, которая не всегда отражается в сознательных нормах и правилах. «В каждом обществе на данной стадии развития, – утверждает Люсьен Февр, – существуют специфические условия для структурирования социального сознания; культура и традиции, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу» – в ее рамках формируется ментальность. Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в коллективном сознании общественных групп и толп и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи – в творчестве последних при всех неповторимых, уникальных событиях проявления тех же черт ментальности, ибо всем людям, принадлежащим к данному обществу, культура предлагает общий умственный инструментарий, и уже от способностей и возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладеет»[29, с.522]. Несмот-

ря на продуктивность изучения ментальности различных эпох и сообществ, в середине 70-х гг. послышалась критика теории ментальностей, как принижающей рациональность простых людей, изображающей массовое сознание гомогенным, а общество – как однородно-бесклассовым и статичным. Жак Ле Гофф высказался о термине «ментальность» весьма критично – как о «слишком абстрактном и потому опасном для историка» [15, с.498]. Он предложил дополнить изучение ментальностей историей идеологий, воображения и ценностей.

Историческая антропология не сводится к какому-либо конкретному методу исследования, она представляет собой общую глобальную концепцию истории. Различные исследователи в нее включают: историю ментальностей, историю повседневности, «микроисторию», гендерную историю, историческую психологию, интеллектуальную историю, «народную религиозность» (религиозную антропологию, т.е. изучение субъективного аспекта веры) и др. Таким образом, историческая антропология предстает как конгломерат научных направлений, не имеющих четких границ.

Сегодня рано говорить о формировании новой парадигмы в гуманитарных исследованиях, можно лишь утверждать, что историки начали смотреть на мир глазами этнолога, а этнология использует историю. Тем не менее, историк остается историком, а этнолог – этнологом, каждый продолжает традиции своей дисциплины. «Но несмотря на эту вполне реальную преемственность, – считает Питер Берк, – трудно отрицать наличие общего сдвига или поворота в теории и практике культурной истории, произведенного последним поколением исследователей. Можно считать это сменой приоритетов, а не подлинно новым явлением, или видеть тут лишь реформирование традиции, а не революцию – но обычно именно так и происходит любое культурное обновление» [3]. Новые категории, такие как ментальность, повседневность, замедление истории, длительное средневековье и др., которые введены в оборот в последнее время, не столько внесли ясность в предмет исследования, сколько помогли уйти от прежней позиции простого изложения исторических событий.

Историко-этнологическое видение мира предполагает целостный взгляд на социальные процессы, как в пространстве, так и во времени. История – это не просто совокупность отдельных событий, собранных как множество, она имеет свою логику, направление времени или, как утверждает Карл Ясперс, «осевое время», которое «служит ферментом, связывающим человечество в рамках единой мировой истории» [33, с.76]. Благодаря этому мировая история оказывается структурированной, т.е. в разные эпохи возникают цивилизации, которые осуществляют прорыв в культуре и концентрируют вокруг себя социальные процессы за счет завоеваний, торговли, новых открытий. Несмотря на выдвигание на передний план «осевых» народов, совершающих скачок, определяющих направление времени, и наличие народов, «не знавших прорыва», оставших-

ся в стороне от магистральных путей истории, Ясперс утверждает, что, тем не менее, «мировая история универсальна» [33, с.90].

Единичное в истории обретает свой смысл только в силу связи, в которую оно вступает с другим единичным. Его обособленность во времени сама по себе не значима, ибо исторически оно означает что-либо только в той мере, в какой оно указывает назад на прошлое и вперед на будущее. «Для исторического постижения и понимания, – пишет Эрнст Кассирер, – соединяются далеко отстоящие друг от друга во времени стадии. Когда из равномерного потока времени определенные моменты вычлняются, соотносятся друг с другом и связываются в ряды, этим уясняется происхождение и цель происходящего, его «откуда» и «куда». Поэтому и историческое понятие характеризуется тем, что здесь одно действие создает тысячу связей: и то, что мы называем специфическим историческим «смыслом» явлений, их историческим значением, конституируется не столько в созерцании единичного, сколько в рассмотрении этих связей» [16, с.344]. Единичные события, таким образом, приобретают значимость, когда соединяют, как в фокусе, ряды событий прошлого в пункте, который позволяет прогнозировать будущее.

Историки традиционно оперируют таким понятием как исторический факт. При этом большинство историков молчаливо признают, что факт – это событие, произошедшее в общественной сфере. Такое понимание факта привело к тому, что историография, по большей части, оказалась описанием государств и их институтов, «крупных» событий, войн, переворотов, реформ, революций, великих личностей, а также социально значимых культурных форм: искусства, литературы, религии.

Историческое событие Л.Гумилев определяет как разрыв связей: «Легче всего определить понятие «событие» через понятие «связи». Рост и усложнение этноса представляется современникам нормой, но любая потеря или раскол отмечается как нечто заслуживающее особого внимания, т.е. событие. Но коль скоро так, то событием именуется разрыв одной или нескольких связей либо внутри этноса, либо на границе его с другим этносом. Последствия разрыва могут быть любыми, иной раз весьма благоприятными, но для теоретической постановки проблемы это не имеет значения. Так или иначе событие – это утрата, даже если это то, от чего полезно избавиться» [10, с.24–25]. При таком понимании «события», «факта» и «связи» история предстает как цепь утрат, ломка отношений. Повествовательная история изучает именно события, т.е. цепочку разрыва связей, отражая только одну сторону жизни. Человек с его энергией оказывается всего лишь агентом этого разрыва связей, его поведение, интересы, личность подменяется «борьбой классов», «национальными отношениями», «движущими силами», «революцией», «демократией» и т.д. Человек превращается в некий элемент, который лишь подразумевается в исторических исследованиях, а вся картина жизни скрывается за такими понятиями, как классы, социальные структуры, кланы, партии, которые мы вы-

ставляем в своих исследованиях в качестве живых самостоятельных агентов со своими интересами и намерениями.

По словам Макса Вебера, «событием является не то, что само по себе произошло, а то, что обладает смыслом и происходит именно благодаря этому смыслу». Любой деятельности смысл придает человек. Событие вне человека оказывается бессмысленным. Февр пишет: «Люди – единственный подлинный объект истории... История – наука о человеке. Наука о непрерывных изменениях человеческого общества, об их постоянных и неизбежных приспособлениях к новым условиям существования – материального, политического, морального, религиозного, интеллектуального» [29, с.25–26]. Такой подход требует изучения не просто событий, а деятельного человека во всей совокупности его многочисленных отношений в обществе.

Мир движется из века в век с грузом своих традиций, не желая расставаться с прошлым. В этом движении что-то теряется, но многое остается. Лорд Актон (Джон Эдвард Далберг) говорил: «Ткань человеческих судеб ткется плотно, без пропусков; потому что в обществе, как и в природе, структура непрерывна...» [20, с.140]. Значит, если что-то рвется, то другое сохраняет свою структуру, переходит в настоящее и будущее. Эволюция не только цепь утрат, но и приобретений, а классическая событийная историография нередко упускает этот момент. Не случайно в изложении истории превалируют войны, разрушения городов, завоевания. Исторический ход событий предстает как поле битвы и кладбища, революции и реставрации, правление монархов и т.д. А торговля, свадьбы, рождение детей, праздники, строительство городов, простой человек, работающий не в окружении монархов, а в маленьком городке или деревне, уходит на задний план. Микроистории оказываются уделом любителей-краеведов.

Для пояснения вектора исторического движения используют понятие развития, эволюции, прогресса. Но насколько каждый поворот в исторических событиях был развитием или прогрессом? Можем ли мы утверждать, например, что социалистическая революция сделала шаг в сторону прогресса? В научно-технической сфере были несомненные успехи, но если брать историческое соревнование с капитализмом, то социализм явно проиграл.

Хейзинга считает, «что понятие развития малопригодно для исторической науки и, как правило, затрудняет и запутывает исследование» [30, с.23]. Существуют в конкретных сферах отдельные явления как сформировавшиеся феномены, имеющие свою устоявшуюся структуру. Можно говорить об их эволюции, развитии, имея в виду усложнение поведения, структуры, функций, но трудно это распространить на все общественные явления. «Историю какого-либо института, формы производства или государственного органа, – продолжает Хейзинга, – можно без особых оговорок подвести под понятие развития. Оно применимо также к истории науки и техники, но от него следует отказаться, как только речь заходит о философии, религии, литературе и искусстве» [30, с.30–31]. Неясность содержательной стороны понятия «развитие» приводит к тому, что оно нередко трактуется

как простое движение, иначе говоря, любые изменения во времени, или предлагаются некие образы, призванные нам объяснить то, что рационально трудно формулируется. «Последовательный ряд обществ, – поясняет Эмиль Дюркгейм, – не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны» [14]. Образ дерева не вносит ясности в понятие эволюции, ибо непонятно, что это означает в историческом контексте, кроме отказа от геометрического представления хода истории. Если же рассматривать историю с точки зрения ее трансформации, т.е. смены форм жизни, сознания и социальных отношений, тогда она выглядит не как последовательный ряд смены поколений, а в виде процессов, «сжатых» или же, наоборот, «растянутых» во времени, иначе говоря, в несколько астрономических лет может вместиться целый период (в событийном понимании) или же период может растянуться на столетия, а то и вовсе застыть в «резервации».

Пытаясь подойти к истории вне определенного феномена, выйти в пространство за пределы жизни конкретного народа, и понять историю региональную или мировую, мы сталкиваемся с огромным множеством культур, где процессы происходят в разных системах координат. У разных народов время течет по-разному. Таким образом, мы приходим к очень сложному образу феномена, который оказывается совершенно не похожим на объект исследования в естественных науках. «Знать историю не означает (разве что крайне редко) уметь вскрывать причинно-следственные связи, – пишет Хейзинга. – Знать историю – значит понимать некое взаимосвязанное целое. Это взаимосвязанное целое... следует представлять себе не в образе цепи, состоящей из звеньев, а в образе вязанки хвороста, слегка перехваченной веревкой, в которую, насколько позволяет веревка, можно добавлять новые прутья» [30, с.36]. Это, опять-таки, образное представление эволюции, по-своему полезное, но не дающее инструментария для исследования.

Клиффорд Гирц рассматривает поведение человека как зависящее от «внегенетических контрольных механизмов», от «культурных программ». Он для пояснения своей мысли также обращается к образам: «Все еще распространенное в антропологии представление, что культура представляет собой ровно сплетенную сеть, является не в меньшей мере *petitio principii*, чем более старая точка зрения, согласно которой культура – это вещь, состоящая из заплат и лоскутов, и которую первая с некоторой долей излишнего энтузиазма сменила после революции, совершенной Малиновским в начале 1930-х гг... Наиболее подходящим к случаю образом, если уж необходим образ культурной организации, станет не сеть паука и не куча песка. Скорее, это будет осьминог, щупальца которого в значительной степени независимы друг от друга, плохо соединены нервной связью друг с другом и с тем, что у осьминога заменяет мозг, и которому, тем не менее, удастся и добраться до всего, и сохранять себя, по крайней мере, на какое-то время, как вполне жизнеспособное, хотя и довольно неуклю-

жее существо» [8, с.460]. Образы дерева, вязанки хвороста, осьминога не вносят ясности в теорию, но помогают отойти от причинной детерминации, взятой из естественных наук. Гуманитарные дисциплины нуждаются в синтезированном подходе к изучению общества.

Существуют явления в жизни народов, государств, которые можно исследовать в заранее определенной системе координат, т.е. с учетом временного отрезка, сферы жизни, территориальных границ. Если в какие-то моменты можно отвлечься от общегосударственного, регионального контекста, глобальных процессов и ограничиться изучением, например, одной деревни, или только праздника сабантуя как самостоятельного явления, то о судьбе народа в целом можно говорить только с учетом всей совокупности факторов: экономических, социально-политических, культурных, т.е. привлекая все гуманитарные дисциплины. И здесь мы сталкиваемся с методологическим вопросом об исследовании народа/этнуса как феномена, т.е. целостного явления без деления на сложившиеся в науке направления. Сама жизнь нераздельна, не существует экономики вне моральных норм, этнологии вне психологии, а мифология и литературоведение должны давать ответы на вопросы об архетипах, которые сохранились до сегодняшнего дня и являются сильнейшими мотивами поведения людей.

Социальная целостность, являющаяся целью исторического исследования, считал Марк Блок, выражает себя именно в человеческом сознании. В нем смыкаются все черты, присущие эпохе, поняв его, можно решить проблему целостного охвата изучаемого общества [4, с.229]. Но, к сожалению, специалисты гуманитарных дисциплин глубоко разделены между собой, и даже историки начали специализироваться по странам, эпохам, периодам, отдельным событиям.

Сегодня корпоративные интересы специалистов довлеют над необходимостью междисциплинарного подхода. В свое время Коперник жаловался на своих коллег: «С ними происходит нечто подобное тому, когда скульптор собирает руки, ноги, голову и другие элементы для своей скульптуры из различных моделей; каждая часть превосходно вылеплена, но не относится к одному и тому же телу, и потому они не могут быть согласованы между собой, в результате получается скорее чудовище, чем человек» [19, с.135]. Аналогичная ситуация сложилась в сфере обществознания, где специалисты оттачивают свое мастерство по изложению отдельных частей общественно-го организма, не заботясь о целостной картине.

Трудности интеграции гуманитарных дисциплин хорошо видны на примере используемого научного аппарата. Не удастся выработать общего «языка» даже среди тех специалистов, которые изучают один и тот же объект. Археологи могут годами не задумываться об историческом или этническом значении находок, им проще вновь найденному слою дать название «пьяноборской», «кушнаревской», «именьковской» и т.д. культур. Число таких «культур» с каждым днем стремительно растет, как растет в татарской филологии количество диалектов и диалектологов, а среди ис-

ториков размножаются специалисты по узким периодам или даже отдельным событиям, научный анализ подменяется фиксацией фактов, поиском новых архивных материалов, хроникой событий, при этом нередко случайные происшествия возводятся в ранг судьбоносных. Еще меньшее внимание уделяется историками экономическому анализу или же он сводится к статистическим таблицам, материальным объектам, а у этнологов – к формам хозяйствования, ничего не объясняющим с точки зрения перспектив развития этноса.

Гуманитарии в понятийном творчестве пошли так далеко, что с трудом понимают друг друга. Например, в понятие «культура» вкладывается различный смысл в археологии, истории, этнологии, искусствоведении, филологии и т.д. Споры вокруг определения культуры напоминают дискуссии средневековых схоластов, блестящих по форме, логически безупречных, но без практического результата. Поэтому термин «культура» из-за многочисленности его значений и из-за той концептуальной неопределенности, с которой он слишком часто употребляется, теряет свое инструментальное значение. Механическая же редукция сотен определений культуры невозможна. Для этого требуется выработка парадигмы, которая дала бы общий подход для всех гуманитарных наук.

Время требует конвергенции гуманитарных наук, что могло бы привести к преодолению междисциплинарных перегородок и появлению социально-культурной модели общества. Это стало бы значительным шагом в междисциплинарном взаимодействии гуманитариев, но далеко не все специалисты готовы воспринять такой подход, ибо он разрушает устоявшуюся практику карьерного роста и оценки труда гуманитариев. Понадобится смелость целого поколения ученых, пока старые взгляды уступят новым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990–1995. Казань: Изд. Аппарата Президента РТ, 1996. 102 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. №75. С.64–91.
4. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973. 232 с.
5. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.
6. Буданов И.П. Дон и Москва. Казаки Восточной Европы. Книга IV, вып. 1. Париж: Казак, 1958. 149 с.
7. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
8. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
9. Головнев А.В. Антропология движения. Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

10. Гумилев Л. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 280 с.
11. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.; Индрик, 1993. 327 с.
12. Дробижина Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. 2011. №2. С.19–28.
13. Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003, 376 с.
14. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
15. Интервью с Жаком Ле Гоффом // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2004. С. 496–502.
16. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 654 с.
17. Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. 214 с.
18. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 270 с.
19. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 2009. 300 с.
20. Лорд Акстон. Очерки становления свободы. Лондон: Overseas Publications International Ltd., 1992. 206 с.
21. Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан. ун-т, 2010. 370 с.
22. Московичи Серж. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
23. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Саппоро: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2003. 336 с.
24. Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 148 с.
25. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Академия, 2002. 475 с.
26. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.
27. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
28. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
29. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
30. Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. Лондон: Overseas Publ., 1992. 220 с.
31. Хайек Ф.А. Общество свободных. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. 309 с.
32. Центр и региональные идентичности в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. Ун-та; М.: Летний сад, 2003. 256 с.
33. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

Сведения об авторе: Рафаэль Сибгатович Хакимов – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

PERSPECTIVES ON HISTORICAL ETHNOLOGY

R.S. Khakimov

*Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
history@tataroved.ru*

This article reveals the features of the discipline of history in Russia, as it was established after the Soviet collapse. This has entailed the development of alternative “stories” and, at the same time, the continuation of the previous traditions of presenting the history of the country as the history of the Russian people, the continued diversification of human sciences studied in pursuit of a single object, the lives of a community of people, et cetera. The author argues that historical ethnology (anthropology), as an integrative discipline, should be based on a holistic view of social processes, both in space and time. Therefore, its object must be not only historical events (wars, heroes, etc.), but also mentality, daily “microhistories” – everything that characterizes people’s lives. The study of history should serve the purpose of answering the questions of the present. Time requires the convergence of the humanities, which would lead to the overcoming of interdisciplinary boundaries and the emergence of multi-dimensional sociocultural model of society.

Keywords: historical ethnology, historical anthropology, history, mentality, Tatars

REFERENCES

1. *Belaya kniga Tatarstana. Put' k suverenitetu (Sbornik ofitsial'nykh dokumentov). 1990–1995.* [The White Book of Tatarstan. The Road to Sovereignty (Collection of Official Documents). 1990–1995]. Kazan, Publishing house of Apparatus of the President of RT, 1996. 102 p.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
3. Berk P. *Istoricheskaya antropologiya i novaya kul'turnaya istoriya* [Historical Anthropology and the New Cultural History]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Review*, 2005, no.75, pp. 64–91.
4. Blok M. *Apologiya istorii* [The Apology of History]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 232 p.
5. Brodel' F. *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk, Poligramma Publ., 1993. 128 p.
6. Budanov I.P. *Don i Moskva. Kazaki Vostochnoy Evropy. Kniga IV, vyp. 1* [Don and Moscow. The Cossacks of Eastern Europe. Book IV, Vol. 1.]. Paris, Kazak Publ., 1958. 149 p.
7. Vallerstayn I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World: Sociology of the Twenty-First Century.]. Moscow, Logos Publ., 2004. 368 p.
8. Geertz C. *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p.

9. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya* [The Anthropology of Movement] Ekaterinburg, UrO RAN, Volot Publ., 2009. 496 p.
10. Gumilev L. *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* [The Geography of Ethnicity in the Historical Period]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 280 p.
11. Gurevich A.Ya. *Istoricheskiy sintez i shkola «Annalov»* [Historical Synthesis and the School of «Annals»]. Moscow, Indrik Publ., 1993. 327 p.
12. Drobizheva L.M. Metodologicheskie problemy etnosotsiologicheskikh issledovaniy [Methodological Problems of Ethnosociological studies]. *Nauchnyy Tatarstan – Science of Tatarstan*, 2011, №2, pp.19–28.
13. Drobizheva L.M. *Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetskoj Rossii* [Social Problems of Ethnic Relations in post-Soviet Russia]. Moscow, Tsentr obshchechelovecheskikh tseinnostey Publ., 2003. 376 p.
14. Dyurkgeym E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod i naznachenie* [Sociology. Its Subject Matter, Method and Purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.
15. Interv'yu s Zhakom Le Goffom [Interview with Jacques Le Goff]. *Odissey. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2004. pp. 496–502.
16. Kassirer E. *Izbrannoe: Individ i kosmos* [Favorites: The Individual and the Cosmos]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000. 654 p.
17. Krom M.M. *Istoricheskaya antropologiya. Posobie k lektсионному kursu* [Historical Anthropology. The Benefit to the Lecture Course]. Saint Petersburg, EUSPb Publ., 2010. 214 p.
18. Kradin N.N. *Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Moscow, Logos Publ., 2004. 270 p.
19. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 2009. 300 p.
20. Lord Akton. *Ocherki stanovleniya svobody* [Essays on the Establishment of Freedom]. London, Overseas Publications International Ltd., 1992. 206 p.
21. Makarova G.I. *Identichnosti tatar i russkikh v kontekste etnokul'turnoy politiki Rossiyskoj Federatsii i Respubliki Tatarstan* [The Identity of Tatars and Russians, in the Context of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan's Ethnocultural Politics]. Kazan: Kazan University Publ., 2010. 370 p.
22. Moskovichi S. *Vek tolp* [The Century of Crowds]. Moscow, Tsentr psikholog. i psikhoterapii Publ., 1998. 480 p.
23. *Novaya volna v izuchenii etnopoliticheskoy istorii Volgo-Ural'skogo regiona*. [The New Wave in the Study of Ethnopolitical History of the Volga-Ural Region]. Sapporo, Hokkaido University, Slavic Research Center, 2003. 336 p.
24. *Sovremennye etnosotsiologicheskie issledovaniya v Respublike Tatarstan* [Modern Ethnosociological Research in the Republic of Tatarstan]. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2008. 148 p.
25. *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 475 p.
26. Tishkov V.A. *Etnologiya i politika* [Ethnology and Politics]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 240 p.
27. Tishkov V.A. *Rekvie'm po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos. Research on Sociocultural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.

28. Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p.
29. Fevr L. *Boi za istoriyu* [Fighting for History]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 629 p.
30. Kheyzinga Y. *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealakh i drugie leksii* [On the Historical Ideals of Life and Other Lectures]. London, Overseas Publ., 1992. 220 p.
31. Khayek F.A. *Obshchestvo svobodnykh* [The Society of Free People]. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. 309 p.
32. *Tsentri i regional'nye identichnosti v Rossii* [The Centre and Regional Identities in Russia]. Saint. Petersburg, Saint. Petersburg University Publ.; Moscow, Letniy sad Publ., 2003. 256 p.
33. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 527 p.

About the author: Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Director of Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-President of TAS and Academician of TAS, (Entrance 5, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); history@tataroved.ru